

## “БЕРЕГИТЕСЬ, БРАТЬЯ МОИ, СВЯЩЕННИКИ!”

Митрополит Сурожский АНТОНИЙ о злоупотреблениях в духовнической практике

---

Опубликовано: НГ-религии 11.08.99. © “НГ-религии”. Иеромонах ИЛАРИОН (Алфеев). Перепечатка за рубежом допускается по соглашению с редакцией. Ссылка на “НГ” и “НГР” обязательна.

Настоящий текст представляет собой небольшой фрагмент беседы, состоявшейся в Лондоне в июне 1999 г. Полный текст беседы опубликован в журнале “Церковь и время” № 2 (9) 1999, издаваемом Отделом внешних церковных сношений Московского Патриархата

---

— Владыко, как Вы оцениваете Определение Священного Синода от 29 декабря 1998 года, посвященное “участившимся случаям злоупотреблений в духовнической практике, негативно сказывающимся на состоянии церковной жизни”?

— Значение этого документа трудно переоценить. Давно пора было такой документ написать. И главное, недостаточно удовольствоваться просто призывом к людям безответственным или греховно настроенным, или обезумевшим от своего “величия”, связанного с саном, — надо принимать какие-то меры. Это Определение совершенно справедливое и нужное, но я думаю, что за ним должны бы следовать действия. Духовники, которые своими поступками разрушают церковную жизнь, разрушают человеческие души или вносят соблазн в среду своих духовных чад, должны бы подвергнуться строгим дисциплинарным мерам. Некоторых следовало бы просто лишить права исповедовать, оставив за ними только право совершать Божественную Литургию; никакого духовного руководства они не должны никому предлагать. В случае же нарушения такого правила они должны быть окончательно запрещены в служении, потому что здесь речь идет не о том, как духовник ведет свою работу, а о том, как он строит или разрушает чужие души.

Поэтому определение Синода своевременное и очень важно, хотя оно могло быть и более резким, но за ним должны следовать дисциплинарные меры по отношению ко всякому священнику или епископу, который разрушает человеческие души, — каков бы ни был его уровень или сан. Речь не идет о том, чтобы он разрушал Церковь как таковую. Церковь — купина неопалимая, никто ее пламени не погасит; но люди могут погибнуть от таких духовников.

— Определение Синода в церковных кругах окрестили “определением по младостарчеству”. Хорошо известны Ваши высказывания об этом явлении. Какой смысл вкладываете Вы в это понятие? Имеется ли в виду молодой возраст или духовная незрелость пусть даже и весьма пожилого священнослужителя, претендующего на роль старца?

— Конечно, речь не идет о том, чтобы различать между молодыми или старыми безумцами. Речь идет здесь о том, чтобы по возможности оценить духовную зрелость человека, его способность быть руководителем для человека. *Старец* — это не просто человек, который долго занимался пастырской работой и приобрел какой-то навык или опытность; *старец* в настоящем смысле — это нечто иное, это благодатное состояние. Старцев не “выделяют”, старцы силой Святого Духа рождаются; и если говорить о том, что характеризует старца, то я скажу коротко и о том, каково место старчества по отношению к обычному священству.

Мне кажется, что есть в духовничестве три степени. Есть приходской священник, роль которого — совершать таинства Церкви. Он может не быть хорошим проповедником, он может не давать никаких советов на исповеди, он может ничем не проявлять себя в пастырском отношении. Достаточно того, что он совершает Божественную литургию, если только он помнит, что он совершает как бы внешние действия, но что чудо Божественной литургии или других таинств

совершается Господом. В литургии ясно нам указано, что **Христос** является единственным Тайносовершителем и что только Дух Святой — та Божественная сила, которая может из обыкновенного хлеба и вина сотворить Тело и Кровь Христовы.

Сверх совершения таинств, он может говорить проповеди. Он может, с одной стороны, учиться у древних или у современных проповедников; он может, если он честен и не старается казаться людям больше, чем он есть, совершенно откровенно и искренне делиться с ними тем, что у него на душе, — не лирической болтовней, а тем, что ему было дано пережить, когда он читал Евангелие. Поэтому и молодой священник может делиться своим. Если он скажет то, что сам пережил во время чтения Евангелия, если он глубоко это воспринял, как бы ни были просты его слова, они дойдут.

Есть другая степень. Это священник более опытный или старше, который более научен и призван давать наставления другому человеку о том, как идти от земли на небо. И этот священник должен быть предельно осторожен. Знаете, когда вы уходите в горы, вы выбираете себе проводника, который ходил туда, куда вы хотите прийти, и живым вернулся оттуда, а не погиб на пути. Вот таков должен быть духовник в полном смысле этого слова. Он не должен говорить того, чего он опытно не пережил или чего он как-то своим нутром не знает. Мы приходим к духовнику с тем, чтобы встретить проводника до дверей Царства Божия. Но если он сам там не бывал, он нам ничего не может дать. Об этом должен задумываться каждый духовник, каждый священник, к которому приходят люди на исповедь.

А есть еще третий уровень. Это старчество, уровень тех людей, которые, говоря образно, почти всю дорогу прошли до дверей Царства Небесного, может быть, не вошли в него, а может, допущены были в него, но были посланы обратно на землю, к нам, чтобы нас вести в это Царство. Вот это *старец*. Это человек, который весь путь прошел до глубин своей души, дошел до того места, где запечатлен образ Божий в нем, и который может говорить из этих глубин.

Но старцем самого себя не сделаешь, и, если можно так выразиться, старцами не рождаются. Это люди, которых коснется благодать Святого Духа и которые отзовутся на нее и будут верными, — верными тому, чему учит нас Христос, и верными тому, что говорит Дух Святой в их душах. Старцы — явление редкое. И когда речь идет о старчестве, о священстве, о “младостарчестве”, мы должны помнить, что речь не идет о возрасте телесном, о том, седая ли у тебя борода или еще русые локоны, а о том, до какой глубины тебя увлек Святой Дух, чему ты научился и что ты можешь сказать. Причем старец не обязательно будет давать приказания, он может давать советы, он может давать указания, но должен хранить, беречь нашу свободу, потому что Бог не ищет себе рабов, а ищет Себе детей, братьев, сестер: *Я не называю вас больше рабами, потому что раб не знает воли Господина своего, а Я вам все сказал...* Это духовник должен помнить.

Я старался ответить на вопрос о том, чем отличается старец от обыкновенного духовника, и ТАК мне хотелось бы сказать громко, на всю Русь: **БЕРЕГИТЕСЬ**, братья мои, священники! Берегитесь, не принимайте на себя роли, которая не соответствует вашему духовному возрасту, будьте просты! Будьте просто священниками — это уже так много! Человек, который силой благодати Святого Духа может совершить литургию, может окрестить ребенка, может помазать миром, это не мало, это нечто столь великое!

— Нередко случается такое: духовник внушает своему духовному чаду, что монашество выше брака, и фактически принуждает его к постригу. В подобной ситуации иногда оказываются выпускники духовных школ, перед которыми стоит выбор: либо вступить в брак, либо стать монахами. Будучи не в силах принять собственное решение, они едут за советом к старцу, и тот говорит им что-то вроде: “Монашество — твой путь; благословляю на постриг”.

— Мне кажется, что такое положение настолько уродливо и возмутительно, что надо принимать самые строгие меры к тому, чтобы такое не могло случиться. Потому что и монашество и брак требуют свободы и зрелости. Свобода, по определению Хомякова, это то состояние, когда человек является полностью *самим собой*; не жалким изображением того, что он думает о себе или чем — ему кажется — он должен бы быть, а в полном смысле *самим собой*. Поэтому если человек не знает, принимать ли ему монашество или идти на брак, это значит, что он ни к тому, ни к другому не готов, ни для того, ни для другого не созрел. Я понимаю, что из практических соображений академия и семинария хотят, чтобы выпускники поскорее делались священниками, и поэтому наталкивают их на монашество или на брак. Я помню один случай, когда духовник поставил молодому выпускнику ультиматум: в течение одной недели найти себе невесту и жениться, потому что он хочет представить его к рукоположению. Это ужас, это преступление. Человеку надо дать время и возможность созреть.

Кроме того, это преступление против невесты и против самого молодого человека, который станет священником, потому что на брак надо идти с глубокой подготовкой. Связывать жениха и невесту должна глубокая любовь, благоговейная любовь, такая любовь, которая человеку говорит, что он всю жизнь готов отдать на то, чтобы жить с этим человеком.

То же самое можно сказать и о монашестве. Множество молодых людей, которые принимают монашество для того, чтобы стать священниками, **монахами** не делаются; они делаются незрелыми безбрачниками. Они безбрачны, потому что брак не совершился, потому что они не созрели для любви или не созрели для того чтобы сказать: да, я ее люблю, люблю глубоко, люблю чисто, люблю так, что могу перед Богом стоять с ней; но я хочу быть **только** с Богом.

Всякий юноша в какой-то момент своей жизни может это сказать по неведению, по непониманию, потому что он еще не знает, что значит кого-то полюбить. И надо требовать долгой подготовки для монашества, не формальной подготовки, не дрессировки, а созревания: может ли этот человек жить с Богом и только с Богом, и изнутри этого общения с Богом совершать свое дело, или нет? С практической точки зрения это значит, что многие студенты не будут рукоположены по окончании курса, но они в свое время вырастут в полную меру своего человечества. А иначе слишком часто священники, монахи ли они или женаты, остаются недорослями, благочестивыми, чистыми жизнью, но недорослями в том смысле, что в них две-три струнки звучат, а не весь орган.

Молодых людей и девушек надо учить тому, чтобы они ходили за советом, но не за указкой, чтобы они пошли к человеку, в котором видят опытность, глубину, с кем они могут поговорить, кому они могут открыть свою душу, чтобы он им помог разобраться в себе самих. Но не к человеку, который с высоты своей гордыни или слепоты им даст приказ, за который **они** будут расплачиваться в течение всей своей жизни. Да, если считать, что и несовершеннолетний или уродливый брак является как бы мученичеством, который ты несешь ради Христа, можно так повернуть вопрос. Но нам нужны люди расцветшие, люди живые до глубин, которые могут в других родить **жизнь**; и **это** — роль священника и роль монаха. Но священник и монах могут это сделать, только если они сами живы, а не являются окаменелостью, мертвым уставом.

А что касается принуждения человека к постригу, то есть внушения ему, что он должен выбрать самый высокий путь или что нет другого пути для него, если он хочет быть священником, это уже преступление. Человек должен, как я уже сказал, созреть и сделать выбор под внушением Святого Духа, а не просто формально, потому что монашеский путь является более интегральным, более цельным, чем брачный путь. Это бывает, но это не всегда так. Можно быть монахом очень — как бы сказать? — “разжиженным” образом. Можно быть человеком, который неспособен на брак и выбирает монашество; можно быть монахом, который исполняет все правила, но духом не может, не в состоянии “возлетать во области заочны”. И тут духовник должен с большой осторожностью ставить вопросы, прислушиваться к **душе** человека и не принуждать его ни к чему, а ему помочь разобраться в себе самом так, чтобы он мог или принять решение не только свободно, но творчески,

или решить переждать, пока он сам не созреет.

**— Что Вы можете сказать о так называемом “невенчанном” или гражданском браке, который некоторыми духовниками отождествляется с блудом?**

— То, что я скажу сейчас, вероятно, будет воспринято этими духовниками, а, может быть, и многими другими как неправильное мнение. Если кто хочет узнать об истории того, как образовался наш церковный брак, я хочу его отослать к книге профессора С. Троицкого “Христианская философия брака” (она была переиздана в России). Там он указывает на целый ряд вещей, которые мы давным-давно забыли и к которым, может быть, надо было бы вернуться очень вдумчиво.

Первое — то что апостол Павел не отрицает и не отвергает брака между верующим и неверующим. В одном из посланий он говорит: *муж неверный спасается женой верной*, и наоборот (и когда речь идет о “верности”, здесь, конечно, говорится не о супружеской верности, а о вере в Бога, во Христа). В его время, когда один из супругов принадлежал к Церкви, а другой не принадлежал ей, нехристианского супруга не принуждали принять крещение и затем так или иначе вступать в так называемый “христианский” брак. Поэтому если мы можем принять, что в древности, так же как в Ветхом Завете, брак является таинством, то есть таким действием Святого Духа, которое в наш падший мир вносит измерение вечной святости, то нам надо быть очень осторожными с определением гражданского брака как блуда или чего-то неправильного.

Второе: мы должны помнить, что в течение целого ряда столетий (если не ошибаюсь, девяти столетий) в Византийской империи браки совершались гражданской властью. И только в какой-то момент император — не Церковь — решил, что браки будут совершаться Церковью, потому именно, что это действие, которое выносит двух людей из узких рамок государства в бесконечные просторы вечной жизни в Боге. И тогда опять-таки начался целый процесс, потому что Церковь не сразу начала составлять богослужение венчания. Вначале к церковному браку допускали только девственников. Эти девственники вступали в брак путем торжественного заявления перед общиной о том, что они любят друг друга вечной любовью и хотят быть едиными между собой, как Христос един с Церковью. И тогда они причащались вместе, но обряда никакого не было. Это изъявление их воли, их решимости и совместное причащение и составляли брак. Позже Церковь развила богослужение, которое выражает собой церковное понимание о браке, и это богослужение мы сейчас употребляем.

Я не считаю, что гражданский брак сам по себе является блудом. Если гражданский брак не имеет никаких корней в любви, во взаимном понимании, а является просто сожителем двух людей, которые хотят делить свою плотскую жизнь, это одно; это порой можно назвать блудом. Но гражданский брак, если он чист плотью и чист душевно, является таинством, потому что это соединение двух людей, которое превышает, которое уничтожает разделение греха, сделавшее одного человека чужим для другого. Они становятся друг другу своими, *alter ego* (“другое я”), и через это уже как бы зачаточно приобщаются тайне единства в Боге.

**— В Определении Синода упоминается случай, когда духовник принуждает к вступлению в брак с лицом, рекомендованным самим пастырем. Как Вы относитесь к подобной практике? Насколько вообще правомочен духовник вмешиваться в решение таких вопросов?**

— Я скажу: **абсолютно** неправомочен, никакого права он не имеет определять в такой мере и в такой форме будущее двух людей. Вообще, вступить в брак по принуждению, так же как принять монашество по послушанию, безумно и грешно; и грех, конечно, лежит на том священнике, который накладывает такую невыносимую ношу на того, кто принимает монашество, или на тех,

кто вступит в брак. Это недопустимо. Духовник должен приговаривать чету, научить их тому, что представляет собой брачная любовь, брачное целомудрие, брачная чистота, брачное единство душевно-телесное, и когда они готовы, их венчать. Причем не он должен выбирать жениха или невесту для другого лица.

Дело пастыря — вглядываться в своих пасомых, вглядываться молитвенно, вглядываться смиренно и им помочь стать тем, чем стать они призваны Богом. Я знаю несколько случаев, когда духовник или кликуша-“старица” разорвали узы любви, которые уже существовали между юношей и девушкой, принудили их венчаться с другими людьми, потом случилась катастрофа, они граждански развелись; и эта же кликуша их пыталась соединить еще с другими возможными мужьями и женами.

Это безумие и это преступление; и Церковь должна была бы реагировать на все эти безумные преступления дисциплинарным образом. Такой духовник должен быть лишен права принимать подобные решения; если нужно, он должен быть запрещен в священнослужении. И во всех случаях, которые мне пришлось переживать и в России, и вне России, когда такое совершается, Церковь должна поступить со всей строгостью.

На это мне раз ответили, что если так поступить и запретить такого-то священника, то несколько сот людей уйдут от Церкви. Они от Церкви не уйдут, они уйдут от *лже-церкви*; и это надо ясно сознавать. И вопрос не в количестве, а в том, **чем** эти люди являются. Если они являются только духовными детьми **этого** священника, этого лже-духовника, то они Церкви, в сущности, не принадлежат, они уже отпали, они стали боготворить идола, отдались в культ его личности, и этот идол должен быть низвержен. Простите резкость моих выражений, но я с большой болью это все переживаю, потому что до меня не только слухи доходят, а приезжают люди из России с такими вопросами; и когда я сам бываю в России, многие ставят передо мной именно эти вопросы.

**— По рукам православных верующих ходят брошюры, оставленные как бы в помощь исповедующимся и содержащие перечень грехов. Среди упоминаемых там грехов (их может быть до двух тысяч) всевозможные извращения, о которых иные православные верующие даже и слыхом не слыхали. Насколько полезны или вредны подобного рода пособия?**

**— Я со всей определенностью и убеждением скажу, что подобные пособия вредны. Они должны быть запрещены, отняты у тех, у кого они есть, и совершенно иной подход должен быть предложен для подготовки к исповеди.**

Человек должен исповедовать **свои** грехи, это первое; он должен быть научен постепенно с большей тонкостью понимать свои душевные состояния, оценивать свои поступки и их исповедовать. Но исповедовать грехи, которые когда-то были просто записаны досужими монахами и вошли в списки, совершенно бессмысленно, это ничему людей не учит. Исповедь должна быть совершенно личная. Она неминуемо будет неполная, но она будет реальная. Она будет неполная в том смысле, что другой человек, более духовно зрелый или лучше наученный или более опытный, найдет в себе, может быть, и другие грехи, но в данную минуту тот человек, который исповедуется, должен исповедовать свои собственные грехи.

А когда в этих списках еще значатся половые извращения, то рекомендовать подобные списки — просто преступление, свершаемое так называемым “духовником” против человека; потому что мы все знаем, как мысль вкрадывается в нас через слух, через зрение и как постепенно эта мысль охватывает наше воображение, как постепенно мы начинаем интересоваться этой мыслью и впадаем в искушение. Этого нельзя делать.

— Некоторые духовники предъявляют высокие аскетические требования исповедующимся, в том числе и детям, настаивая, в частности, на соблюдении строгого поста в течение нескольких дней перед причастием. В один из подмосковных монастырей воспитательница детского дома привела к причастию группу детей-сирот. Настоятель монастыря спросил, соблюдали ли дети пост в течение трех дней перед этим; когда выяснилось, что нет, он не допустил к причастию никого из них. При этом он сказал: “Запомните, дети: у Бога ничего *просто так* не бывает”.

— Я думаю, что он поступил не право. Я думаю, что Бог этих детей принял бы с любовью: ведь они нарушили церковное правило, о котором не имели понятия. Они не были принуждены его исполнить, потому что воспитательница, вероятно, хотела, чтобы они пришли к Богу с радостью, а не с чувством, что к Богу можно приходить только с натугой, с надрывом, что нельзя к Нему *просто* прийти. Я убежден, что если человек по небрежности нарушает какие-нибудь правила, ему надо это ставить на вид. Но если он просто о них не знает или у него не хватает сил, веры, убежденности, что это необходимо или нужно, то надо ему дать опыт близости с Богом, а не требовать с него исполнения правил.

Поэтому я думаю, что в данном случае этот священник поступил не право. Он должен был допустить всех детей к причастию после, может быть, общей беседы и короткой, но вдумчивой личной исповеди с каждым ребенком, причем говорить он должен не о том, что ребенок нарушил такие-то правила, а о Христе, о любви Божией...

— Что Вы скажете о тех общинах, в которых создается культ личности священника, когда каждое его слово, не только по вопросам духовной жизни, но и по политическим и иным вопросам воспринимают как изъявление воли Божией?

— Культ личности — одно из самых вредных явлений не только церковной жизни, но вообще всей жизни, включая и политическую. В области политической культ личности находит свой предел в диктатуре. Культ личности надо искоренять всячески. И первый, кто должен это делать, — это тот человек, который является жертвой этого культа, то есть тот священник или мирянин, которого окружают недолжным и непозволительным почитанием.

Для этого священник (я буду говорить, конечно, в первую очередь о священниках) должен постоянно следить за собой и постоянно себе напоминать, что он **ничто**, если им не руководит Божия благодать, и что Божия благодать ему дается не как постоянный дар, а в меру того, как он сам смиряется перед Богом, как он сам отрекается от себя и как он сам отдает свою жизнь другим, на служение.

Я помню, отец Софроний мне как-то сказал, что Церковь построена, словно пирамида, причем пирамида, стоящая вверх дном, стоящая на самом острие своей вершины. И чем человек делается ближе к Богу, чем он хочет больше себя отдавать на служение другим, тем он должен сходить ниже и ниже, глубже и глубже в этой пирамиде, и в конечном итоге вершина этой опрокинутой пирамиды — Сам Христос, на Котором все покоится, вся тяжесть мироздания, вся тяжесть человеческой грешности, всё. Поэтому если священник хочет избавиться от культа личности, он должен первым делом прийти в себя, опомниться, понять, что его почитают либо за то, что ему было дано, либо потому, что люди видят в нем то, чего, может быть, и нет.

— Какой смысл Вы вкладываете в понятие послушания, когда речь идет о взаимоотношениях между духовным отцом и духовным чадом в приходской, а не в

## монастырской практике?

— Я хотел бы, чтобы повторяли людям все время, все время, что послушание не заключается в том, чтобы раболепно исполнять приказание священника, даже если они подаются в форме советов. *Послушание* — от слова “слушание”, и цель послушания — научить человека оторваться от собственных мыслей, от собственного отношения к вещам и вслушиваться в то, что говорит ему другой человек. Здесь начинается послушание, и оно относится не только к церковной практике, но ко всем взаимоотношениям между людьми.

Когда говорит с нами духовный отец, мы должны слышать его слова и за словами уловить глубину — или отсутствие глубины — его духовного опыта. Бывает так, что священник скажет что-то очень простое, что дойдет до твоей души и ее взорвет. А может быть так, что священник говорит от ума, повторяет то, что ему было сказано.

Я читал много житий святых и другой духовной литературы, и меня всегда поражало, что старец, духовный отец, игумен, наставник, пустынник из глубин своего опыта говорит нечто человеку, который ему ставит вопрос, или даже человеку, который вопроса ему и не ставил, но на которого он взглянул и почувствовал: ему надо это сказать. А иногда это не только слова, которые открывают нам понимание, это указание: “Сделай то-то”. Сделай то-то, потому что если ты не сделаешь, а будешь только размышлять и переживать, то ты никогда не сдвинешься с места. И вот даже монастырское послушание заключается в том, чтобы избрать духовника, с которым ты созвучен, который тебя может глубоко в Боге полюбить и которого ты можешь воспринять как человека, который тебе дан от Бога.

Взаимное отношение духовника с духовным чадом заключается в том, чтобы духовник глубоко вглядывался в эту душу, вслушивался в эту душу, старался эту душу понять и никогда не говорил ничего, что до конца не продумано и может оказаться соблазном.

---

[Главная страница](#) | [Биография](#) | [Избранные творения](#) | [Публикации в России](#)

[Где приобрести книги](#) | [Новости](#) | [Гостевая книга](#) | [E-mail](#) | [Ссылки](#)